

АКТУАЛЬНА ТЕМА

УДК 343.131.7

Х. Гаджиев¹

доктор юридических наук

ул. Низами, 111, Баку, AZ 1000, Республика Азербайджан

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена изучению вопросов, связанных с интерпретацией принципа презумпции невиновности Европейским Судом по правам человека. Освещаются проблемы общего характера. Анализируется практика рассмотрения Европейским Судом по правам человека соответствующих категорий дел.

Ключевые слова: презумпция невиновности, Европейский Суд по правам человека, интерпретация.

Постановка проблемы и цель исследования. Одним из интересных, сложных и извечно актуальных вопросов права является принцип презумпции невиновности. Этой проблеме посвящено много исследований в правовой литературе. Мы же постараемся осветить ряд проблем общего характера, а затем сфокусируем наше внимание на юриспруденции Европейского Суда по правам человека.

Изложение основного материала. Для начала, хотелось бы отметить, что презумпция невиновности, как важная гарантия от незаконного преследования людей, защиты их чести и репутации, предположения ее или его добропорядочности, *до решения вопроса о виновности лица* в установленном законом порядке на основе судебного постановления, *является* важнейшей гарантией осуществления правосудия в демократическом государстве. Уважение данного принципа и следование ему в ежедневной практике зависит не только, а вернее не столько от законодательного регулирования, сколько от демократических традиций и уровня правовой культуры. Порой дискуссия о пределах законодательного регулирования презумпции невиновности сводится к двум противоположным мнениям: с одной стороны, рассматривается и обсуждается вопрос о развитии права и практики системы уголовной юстиции с точки зрения умаления прав

¹ Ханлар Гаджиев — экс-судья Европейского суда по правам человека, экс-Председатель Конституционного суда Республики Азербайджан, экс-Председатель Верховного Суда Республики Азербайджан.

и свобод подозреваемых лиц, и соответственно пределов презумпции невиновности, с другой же стороны, эти тенденции критикуются. Тем не менее, судьба любого нормативного акта, при наличии независимой и прогрессивной судебной системы находится в руках тех, кто применяет и в этом процессе интерпретирует право. Естественно, мы не отрицаем сложности восприятия и применения этого принципа. Отчасти это вызвано парадоксальным и абстрактным характером рассматриваемого института. Парадоксальность в концептуальном противоречии, когда подозреваемое лицо невиновно, но в то же время существует обоснованное предположение виновности (*reasonable presumption*). Теоретически решить его можно обоснованием нормативного характера этого принципа, а не фактического. Тем не менее, справедливо и то, что презумпция невиновности напоминает зеркало: суд видит внутреннее отражение своего решения, он всегда сохраняет *видимость* непредвиденности и кажущейся неоправданности и *соблюдения правовых принципов*, на которых решение основано. Следовательно, не только обвиняемый «под судом», но и судья таким же образом. В этом смысле презумпция невиновности — не просто зеркало, а *точнее сказать* — «совесть» уголовного процесса.

Представляется, что было бы важным обратиться к истории. Следует назвать документ, имеющий значение для истории человечества, и в частности права, — *Magna Carta*, 800-летие которой отмечалось совсем недавно. Два основных взаимосвязанных фундаментальных принципа данного исторического документа хотелось бы особо отметить: право на надлежащую процедуру и презумпцию невиновности. Хотя принято говорить, что сам текст *Magna Carta* не содержит прямого указания на презумпцию невиновности, но мнения исследователей едины во внедрении этого принципа в само право на надлежащую процедуру, предшествующую вынесению решения, по которому лицо осуждено и подвергнуто наказанию. Вероятно поэтому считается, что идея презумпции невиновности обязана указанному положению *Magna Carta*. Для наглядности следует сослаться на сам текст п. 39 названного документа, который гласит: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны».

Развитию прав и свобод способствовали буржуазно-демократические революции XVII–XVIII веков, выдвинувшие целый набор прав человека и принцип формального равенства, рассматриваемый в качестве основы универсальности прав человека. Конечно понадобились годы, чтобы сложились ясные представления о содержании свободы и ее соотношении с государством. В этом развитии человеческой истории особое место отводится Декларации прав человека и гражданина, провозглашенной 26 августа 1789 года, в результате Французской революции. В ней законодательно сформулирована презумпция невиновности. Так, статья 9 Декларации гласит: «Поскольку каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишние

суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом».

Продолжая этот короткий экскурс, хотелось бы отметить, что право на презумпцию невиновности не упомянуто в явном виде в Конституции США, но оно является основой английского общего права и инкорпорировано в законы, регулирующие систему уголовной юстиции. Касательно уголовных дел, презумпция невиновности понимается как фундаментальный элемент надлежащей правовой процедуры, которая предполагается гарантиями Пятой Поправки к Конституции и Секцией Первой 14-й Поправки к Конституции. Поскольку государство, в лице правоприменителей, должно доказать виновность лица, которое обвиняется в совершении преступления, обвиняемое в преступлении лицо не обязано доказывать свою невиновность, обвиняемое в преступлении лицо предполагается невиновным согласно закону, пока его виновность не доказана вне разумных сомнений. Таким образом, выводимый смысл заключается в том, что презумпция невиновности требует, во-первых, чтобы бремя доказывания возлагалась на выполняющих функции уголовного преследования, и, во-вторых, никто не считается ответственным за уголовное правонарушение до тех пор, пока его виновность не установлена вне разумных сомнений. Идея наличия строгих доказательств в уголовном деле основывается на важном философском предположении. Лучше оправдать даже виновного, чем осудить невиновного. Это однако подразумевает, что оправдание не всегда может отражать эмпирическую истину дела. Судьи сталкиваются с такими ситуациями при разрешении дела. Заметим, что это довольно непростой процесс внутренней оценки, но того требует сам характер профессии.

В доктрине общего права презумпция невиновности сопровождает или даже является элементом доказывания, устанавливая правила стандартов решения о виновности. В этом смысле бремя доказывания лежит на органах уголовного преследования, которые определяют стандарты в отношении границы (threshold) требуемого доказательства: презумпция невиновности должна быть преодолена доказательствами виновности вне всякого сомнения, которая устанавливается и служит основанием для осуждения.

Еще одна важная черта общего права заключается в присущей ей традиции ограничения широкого использования досудебного ареста, которая также связывалась с презумпцией невиновности [1].

Нередко правоведы рассматривают одно из реальных значений презумпции невиновности в качестве аргумента в пользу исключения, в большинстве случаев, задержания до осуждения по решению суда. Забегая вперед, отметим, что Европейский Суд не вывел конкретных ограничений из принципа презумпции невиновности относительно досудебного задержания. Таким образом, правозащитные меры против ошибочного задержания, а если в общем — против непоправимых репрессивных мер государственной власти, сами нормы, регулирующие правила обращения с подозреваемыми, своего рода контрбаланс против тенденций внутри самого уголовного процесса с момента задержания до осуждения. Возможно,

более справедлива эволютивная оценка презумпции невиновности внутри каждого процесса — с момента начала уголовного преследования до факта осуждения. Критическая эволюция фактов и подтверждающих их доказательств предполагает наличие у преследуемой стороны надежной защиты и выработки стратегии по опровержению выдвигаемых против лица улик, хотя действует общее правило, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения. Интересно, что 12 февраля 2016 г. Европейский Совет, как важный институт Европейского Союза, принял директиву по усилению определенных аспектов презумпции невиновности и права на участие в судебном процессе по уголовным делам. Цель директивы — усиление права на справедливый суд в уголовном разбирательстве путем установления минимальных правил относительно определенных аспектов презумпции невиновности и права на присутствие в судебном разбирательстве. Согласно Директиве государства должны гарантировать, что подозреваемые и обвиняемые лица являются предположительно невиновными до того, как их вина не доказана в установленном законом порядке. Директива предусматривает два важных (связанных с упомянутым принципом) права: хранить молчание и не свидетельствовать против себя. В дополнение, государства должны уважать следующие обязательства: подозреваемые и обвиняемые лица до окончательного решения суда не должны подвергаться мерам физического сдерживания и бремя доказывания лежит на стороне обвинения, любые разумные сомнения толкуются в пользу обвиняемого («Criminal law, Justice Weekly, Silencing Silence?» / Cathal MacPartholan. — 26 November 2016).

Упомянув доктрину доказательств, следует подчеркнуть, что в общем праве под стандартом доказывания понимаются критерии, которыми судья руководствуется при вынесении решения. Стандарт доказывания не преследует цель установления истины. Он лишь показатель того, смогли ли стороны выполнить возложенное на них бремя доказывания. Причем ситуации абсолютно разные: в одних бремя доказывания лежит на обвинении, в других — на защите. Каждая из сторон должна доказать факты, на которых она строит свои утверждения. Как это сформулировано еще в Дигестах Юстиниана: «доказывание возлагается на того, кто утверждает, а не на того, кто отрицает». Обвинение должно доказать те фактические обстоятельства, которые им положены в основу утверждений о предполагаемой вине подсудимого. Напротив, подсудимый имеет право, но не обязан доказывать свою невиновность, он считается невиновным до тех пор, пока судом не будет установлено обратное. В этом суть презумпции невиновности. Однако, если обвиняемый ссылается на обстоятельства, свидетельствующие о его невиновности, бремя доказывания лежит на защите. В каждом из них разный стандарт доказывания. Общепринятым считается стандарт «вне разумного сомнения». Это означает, что судьи при оценке фактов должны быть убеждены вне разумного сомнения в их достоверности. Если этот стандарт не удовлетворен, факт не может считаться установленным и лечь в основу обвинительного судебного акта. Хотелось бы сослаться на дело, которое довольно примечательно. Так, в деле Miller

v. Minister of Pensions Лорд Деннинг попытался разъяснить, как следует понимать формулу доказательства «вне разумного сомнения». По его мнению, им не должна достигаться уверенность, но создается высокая степень вероятности. Доказательство «вне разумного сомнения» не означает доказательство вне тени сомнения. Закон не смог бы защитить общество, если бы эта формула создала причудливые возможности избежать правосудия. Если свидетельство против человека столь сильно, чтобы допустить только отдаленную возможность его невиновности, которая может быть отклонена предположением: «конечно, это возможно, но несколько не вероятно», факт доказан вне разумного сомнения. Но ничего, за исключением этого, не будет достаточно (*Miller v. Minister of Pensions (1947) 1 ALL ER 372, 373–4*. Ссылка дана по: МТБЮ. Решение судебной камеры по делу Делалича и др. от 16.11.1998 г., пар. 601).

Добавим уже ранее упоминавшуюся мысль, что оправдание также не всегда отражает эмпирическую истину дела. В деле «Грин против R» лорд Бэрвик разъяснил: «Разумное сомнение — это сомнение, которое в сложившейся ситуации разделяют присяжные. Сами присяжные устанавливают стандарт того, что является разумным в сложившейся ситуации. Именно эта способность, которой они должны обладать, является одним из достоинств нашего способа судебного разбирательства: для выполнения задачи решения вопроса факта они пускают в ход свой опыт и рассудительность (*Green v. R (1972) 46 ALJ 12545*)».

Подчеркивая важность вышеупомянутых принципов, следовало бы отметить об обязательствах государства перед всеми гражданами, включая потерпевших от преступления и подозреваемых либо обвиняемых в их совершении. Государство обязано соблюдать гарантии справедливой и эффективной системы уголовной юстиции. Должностные лица, вовлеченные в орбиту функционирования этой системы, имеют значительную власть и ресурсы, в отличие от обычных граждан. Презумпция невиновности служит цивилизованной границей, пределами этой власти, гарантией, защитой от ошибок в деятельности системы уголовной юстиции. Ошибочно требовать от лица предоставления доказательств против себя, когда и так органы государства (в лице полиции, прокуратуры, следствия) пребывают в процессе поиска доказательств. Даже в случае участия защитника презумпция невиновности служит своего рода щитом против неуместного воздействия на подозреваемого. С этой точки зрения право не свидетельствовать против себя и право хранить молчание можно рассматривать как квинтэссенцию презумпции невиновности, как и других основополагающих прав лица в уголовном процессе [2].

Принцип презумпции невиновности сегодня признан почти всеми правовыми системами, а в некоторых — даже на конституционном уровне. Особое влияние на его регламентацию и интерпретацию оказывает Европейская Конвенция и юриспруденция Европейского Суда по правам человека. Сила влияния его решений не зависит от того, относится ли правовая система к общему либо континентальному праву. Замечу лишь, что в одних уголовному процессу присуща черта более строгой состязательности,

чем другим, имеющим инквизиционное расследование, как в странах континентального права.

Многие аспекты принципа презумпции невиновности отражены и присущие ей элементы развиваются в решениях Европейского Суда (Суда, Евросуда). В ст. 6 § 2 Конвенции закреплено, что «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком». Как видно, как и другие положения Конвенции, приведенный довольно лаконичный текст ст. 6 § 2 раскрывается в интерпретациях Суда.

Во-первых, Суд истолковал, что действие этого принципа распространяется на досудебную и судебную стадию уголовного процесса. В этих стадиях он ограничивает определенного характера публичные заявления осуществляющих уголовное преследование либо просто выполняющих функции публичных властей. Так, в постановлении по делу *Allenet de Ribemont V. France* (Постановление Евросуда от 10 февраля 1995 г., № 15175/89) и *Daktaras V. Lithuania* (Постановление Евросуда от 10 февраля 2000 г., № 42095/98) Суд подчеркнул, «что посягательство на презумпцию невиновности может исходить не только от судьи или суда, но и от других публичных властей с момента, когда заявитель был обвинен в совершении уголовного преступления».

Во-вторых, он распространяется на стадию, когда обвиняемое в преступлении лицо уже признано виновным. Обычно это касается случаев, когда поднимается вопрос о гражданской ответственности оправданного или он сам обращается с иском о компенсации за свое преследование в уголовном порядке. Отдельно рассматриваются порой проблемы, связанные с вопросами защиты по презумпции невиновности для лиц, уголовное дело в отношении которых прекращено на процессуальных основаниях. Различные аспекты, как мы уже упоминали, презумпции невиновности раскрываются в юриспруденции Суда, причем от дела к делу Суд стремится сделать их более надежными и доступными. Так, в постановлении по делу *Barbero, Messeque and Jabardo v. Spain* Суд раскрыл три аспекта принципа презумпции невиновности, указав, что: во-первых, члены суда не должны начинать процесс при осуществлении своих полномочий с провозглашения идеи о совершении обвиняемым вменяемого ему преступления; во-вторых, бремя доказательств лежит на обвинении; в-третьих, любые сомнения толкуются в пользу обвиняемого (*Barbero, Messeque and Jabardo v. Spain*, ECHR, Judgment of 6 December 1988, Series A no 146, p. 33, § 77).

В этом же постановлении Суд приводит процессуальные требования о том, чтобы решение о виновности рассматривалось реально. Органы расследования должны информировать обвиняемого об уголовном деле против него, чтобы лицо могло подготовиться и выработать линию защиты. Эти же органы должны предоставить достаточно доказательств, свидетельствующих о его виновности. Изложенные обязательства выводятся из ст. 6 § 3 (а)(с) и является отдельным правом обвиняемого в уголовном правонарушении. В указанном постановлении Суд специально отметил, что если виновность лица еще не доказана согласно закону, а судебное решение

отражает такое мнение, нарушение ст. 6 § 2 представляется очевидным (§ 91).

В постановлении по делу *Loihteenmaki v. Estonia* (№ 53172/10, постановление от 21 июня 2016 г.) Суд подчеркнул, что в дополнение к процессуальным гарантиям в контексте уголовного разбирательства, презумпция невиновности имеет также другой аспект. Ее общая цель в этом аспекте — защитить оправданных по уголовному обвинению лиц от обращения с ними со стороны публичных лиц и властей как фактически с виновными (*Allen v. the United Kingdom*, no. 25424/09, § 93–94, ECHR 2013).

Суд неоднократно призывал рассматривать применение ст. 6 § 2 к судебным решениям по уголовным делам независимо от того, прекращено ли оно либо лицо оправдано в процессах относительно гражданских исков. В постановлении по делу *Allen v. the United Kingdom* Суд сформулировал принцип презумпции невиновности в контексте этого аспекта. Презумпция невиновности означает, что при наличии уголовного обвинения и завершения уголовного разбирательства оправданием, преследуемое по данному обвинению лицо невиновно с точки зрения закона и с ним последовательно должны обращаться как с невиновным. Поэтому действие презумпции невиновности продолжается и после завершения уголовного разбирательства, чтобы гарантировать относительно любого недоказанного обвинения уважение невиновности лица. Данная первостепенная забота лежит в основе подхода Суда к применимости ст. 6 § 2 в этих делах. Всякий раз, когда поднимается вопрос применимости ст. 6 § 2, заявитель должен демонстрировать существование связи между выводом уголовного разбирательства и последующими процессами. Такая связь присутствует, например, когда последующее разбирательство требует проверки вывода предыдущего уголовного разбирательства, и в частности, где они обязаны проанализировать приговор по уголовному делу, участвовать в проверке либо оценке доказательств в уголовном деле, оценить участие заявителя в некоторых или во всех событиях, приведших к уголовному обвинению или высказать мысль о его возможной виновности (§§ 103–104).

Мы уже указывали на основные цели, которые преследует применение презумпции невиновности, и в их числе отмечали предупреждение незаконных осуждений и защиту чести и репутации лица, обвиняемого в преступлении, до признания его виновным. Последнее рассматривается в качестве обязательства по Конвенции. Так, ст. 1 Конвенции гласит, что высокие договаривающиеся стороны обеспечивают каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции. Если читать ее в связи с положениями ст. 6 § 2, то государства обязаны уважать и обеспечивать предусмотренный им принцип. Таким образом, государства в лице публичных лиц и властей не просто воздерживаются от нарушений этого принципа в публичных заявлениях или инкриминирующих действиях, но и обязаны защищать людей, их честь и репутацию против клеветнических обвинений. Следует сослаться и на требования ст. 10 Конвенции, часть 2 которой позволяет государствам устанавливать ограничения на свободу слова в случаях, когда они

предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе. Статья 6 § 2 читается в связи со ст. 1 Конвенции и требует, чтобы государства гарантировали защиту против незаконных обвинений в адрес невиновных лиц. Презумпция невиновности поэтому, защищаемая ст. 6 § 2 и гарантируемая ст. 1, образует существенную часть оправдания для применения исключений по ст. 10 § 2 Конвенции. Так, в постановлении по делу *Minelli v. Switzerland* Суд посчитал, что заявление национального суда о том, что обвиняемое лицо было бы вероятно осуждено, если бы не были пропущены сроки давности, является нарушением ст. 6 § 2 (application № 8660/79, Judgment 25 March 1983, § 40). В постановлении по делу *Garucki v. Poland* Суд указал, что презумпция невиновности нарушена, если судебное решение или заявление государственного должностного лица в отношении лица, обвиняемого в уголовном правонарушении, отражает мнение о его виновности до того, как он признан виновным в соответствии с законом (application № 14348/02, Judgment of 6 February 2007). Суд неоднократно выражал мнение о важности соблюдения правила о том, чтобы должностные лица выбирали слова в своих заявлениях до того, как лицо будет предано суду и осуждено за определенное уголовное правонарушение. (См. к примеру, *Wchmer v. Germany*, № 37568/97, Judgment of 3 October 2002; *Nestak v. Slovakia*, № 65559/01, Judgment of 27 February 2007). При этом важно уточнить, что заявление государственного должностного лица в качестве нарушения принципа презумпции невиновности рассматривается в контексте конкретных обстоятельств, в которых оспариваемое заявление сделано (*A. L. v Germany*, № 72758/01, Judgment of 28 April 2005). О цели защиты чести и репутации лица, которое обвиняется в уголовном правонарушении до признания его виновным, писал и Стефан Трексел (*Stefan Trechsel, Human Rights in Criminal Proceedings, Oxford, Oxford University Press, 2005, pp. 153–191*). Обратимся еще раз к упомянутому постановлению по делу *Alenet de Ribemont v. France*, в котором Министр внутренних дел и высокое должностное лицо полиции заявили публично на пресс-конференции сразу же после убийства известного политика имя человека, которое виновно в убийстве. Французское правительство аргументировало, что презумпция невиновности применяется только к национальным судам, когда решается вопрос о виновности. Суд посчитал, что, во-первых, презумпция невиновности применяется в отношении представителей публичных властей. Во-вторых, и что примечательно, в этом деле не было последующего судебного разбирательства. Вывод Суда напрямую связан с репутационным аспектом презумпции невиновности, хотя это прямо и не следует из решения Суда. Предварительное мнение о виновности может иметь прямое влияние на вывод уголовного дела.

В деле *Butkevicius is v. Lithuania* генеральный Прокурор публично высказался о том, что он имел «достаточно надежные доказательства виновности» заявителя, в то время как Спикер Парламента назвал жалобщика взяточником (№ 48297/99, ECHR, Judgment of 26 March 2002 § 52). Суд не усмотрел нарушения в заявлениях Генерального Прокурора, посчитав, что его слова можно интерпретировать как голословное утверждение о нали-

чи достаточных доказательств в поддержку виновности судом, оправданием для дачи разрешения Сеймом выдвинуть уголовное обвинение. В то же время, слова Спикера Сейма как должностного лица следует воспринимать в качестве заявления о виновности жалобщика, направленного на убеждение общества в его виновности и предрешения оценки фактов компетентной судебной властью в противоречие со ст. 6 § 2 Конвенции.

Суд последовательно отмечал, что существует разница между заявлением о том, что кто-либо подозревается в совершении преступления, и явным провозглашением в отсутствии окончательного вердикта о виновности, что лицо совершило преступление. В связи с этим Суд указал на важность выбора слов должностными лицами в их заявлениях до того, как лицо признано виновным в преступлении на основе судебного приговора (см. *Kuzhin and Others v. Russia*, no.13470/02, § 94, 23 October 2008). В постановлении по делу *Huseyn and Others v. Azerbaijan* Суд подчеркнул, что заявления, сделанные правоприменительными властями и их высокими должностными лицами содержали слова, составляющие выражения и недвусмысленные утверждения о том, что жалобщики совершили преступление. Они тем самым стремились предрешить оценку фактов судебной властью и убедить общество в их виновности до того, как она была установлена в соответствии с законом. Все эти действия составили нарушения ст. 6 § 2 Конвенции (*Huseyn and Others v. Azerbaijan*, no. 35485/05, 45553/05, 35680/05 and 36085/051. Judgment of 26 July 2011, § 232).

В том же *Bohmer v. Germany* национальный суд отменил условное наказание, указав, что лицо совершило правонарушение во время испытательного срока, хотя дело об этом правонарушении было рассмотрено позднее абсолютно другим судом. Очевидно, что Суд нашел нарушение ст. 6 § 2 (*Bohmer v. Germany*, no. 37568/97, Judgment of 3 October 2002). Еще один пример из практики Суда — дело *Sekanina v. Austria*, где национальные суды не удовлетворили иск о компенсации оправданному по делу об убийстве, поскольку, по их мнению, все еще имелись подозрения в совершении им правонарушения. Суд пришел к выводу о нарушении ст. 6 § 2 Конвенции не только потому, что национальные суды отвергли иск о компенсации, но поскольку они тем самым ослабили основание оправдания, выразив сомнение в его правильности (*Sekanina v. Austria*, № 13126/87, Judgment of 20 May 1992).

Прежде чем особо остановиться на применении презумпции невиновности на различных стадиях процесса, отметим, что ст. 6 § 2 Конвенции предполагает категорию лиц, сформулировав ее как «обвиняемый в совершении уголовного преступления». То же выражение используется в ст. 6 § 3, содержащей минимальные права в уголовном процессе. Термин ст. 6 § 2 практически совпадает с термином «уголовное обвинение» в ст. 6 § 1, разница лишь грамматического характера. Согласно практике Суда все эти термины имеют автономное значение. Более того, согласно той же практике, эти термины касаются одинаковых категорий лиц (см. *Adolf v. Austria*, № 8269/78, Judgment of 26 March 1982, § 30; *Lutz v. Germany*, № 9912/82, Judgment of 25 August 1987, § 52).

В деле *Engel and Others v. Netherlands* Суд установил три критерия, которые служат для определения, было ли уголовное обвинение относительно права на справедливое судебное разбирательство по ст. 6 § 1 Конвенции: классификация в национальном законодательстве, характер правонарушения; суровость санкции, которая может быть применена. Действие ст. 6 § 1 не применяется к первоначальным стадиям уголовного дела, чего нельзя сказать о ст. 6 § 2, согласно которой предусмотренные в ней права относятся к предположительно невиновным лицам — «пока его виновность не будет установлена законным порядком». Поэтому ее действие охватывает первоначальные стадии уголовного процесса и имеет более широкое применение, чем ст. 6 § 1 Конвенции. Важным в то же время считается толкование того, что подразумевается под уголовным обвинением в ст. 6 § 2 Конвенции.

Обычно ссылаются на два примечательных решения: *Zollmann v. The United Kingdom* и *Phillips v. the United Kingdom*. В первом деле лицо, работающее в ювелирном бизнесе в Антверпене, было названо в выступлении Государственного Министра в Палате общин в качестве нарушителя санкций ООН по экспорту бриллиантов. Суд посчитал, что ст. 6 § 2 неприменима, поскольку жалобщик не был обвинен в уголовном правонарушении, а резолюция ООН сама по себе недостаточна для образования преследуемого международного правонарушения (*Zollmann v. the United Kingdom*, № 62902/00, the Decision of 27 November 2003). В деле *Phillips v. the United Kingdom* жалобщик был осужден за правонарушение, связанное с наркотиками. Последующее слушание по конфискации должно было определить, имело ли лицо выгоду от распространения наркотиков. Суд пятью голосами против двух решил, что ст. 6 § 2 неприменима, поскольку разбирательство по конфискации не образует «уголовное обвинение» (*Phillips v. the United Kingdom*, no.41087/98, the Judgment of 5 July 2001, §§ 34, 35).

В правовой литературе отводится определенное место и вопросам, касающимся аспектов применения преюдициальной силы приговора в контексте действия презумпции невиновности [3].

В этой связи освещается дело *Gözütok and Brigge*, в котором адвокат Европейского Суда Жарабо (the Advocate General of the European Court of Justice Ruiz Jarabo) сформулировал три обстоятельства, необходимые для применения преюдиции в судебном решении: «одинаковые обстоятельства дела, одинаковые обвиняемые и одинаковые правонарушения» (Judgment of the European Court of 11 February 2003 on the merits of the applications № C-187/01 и C-385/01, *Gözütok and Brigge*, joined cases). Названные обстоятельства признаны Судом и в решении о неприемлемости жалобы в *Huhtamaki v. Finland* (№ 54468/09, Judgment of 24 September 2012). Суд косвенно указал на возможность принятия двух разных решений в отношении двух предполагаемых соучастников: жалобщик просил признать нарушением, что он был осужден за совершение мошенничества, при том, что основной участник преступления был оправдан. Заявитель убеждал, что лицо не может быть осуждено без признания виновным основного участника. Однако Суд не нашел нарушения по Конвенции.

В другом же деле (Karaman v. Germany, № 17103/10, the Judgment of 27 February 2014) Суд рассмотрел вопрос о наличии утверждений о виновности заявителя в приговорах в отношении соучастников, чьи дела были выделены в отдельное производство. При этом дело самого заявителя еще не было рассмотрено. Суд проверил, можно ли признать нарушением презумпции невиновности факт использования показаний из приговоров других обвиняемых, чьи дела были выделены в отдельное производство. Суд отклонил довод правительства о том, что заявитель должен дожидаться вынесения решения по его делу перед подачей жалобы на нарушение в отношении него, поскольку презумпция невиновности может быть нарушена даже при отсутствии формального признания виновности лица. Он также признал важным установить справедливость уголовных процессов, взятых в совокупности, указав, что само по себе отсутствие приговора в отношении заявителя не препятствует подаче жалобы на нарушение его права считаться невиновным. Согласно решению Суда принцип презумпции невиновности может затрагиваться преждевременными высказываниями по поводу вины подозреваемого, допущенными в приговоре против отдельно преследуемого обвиняемого. В деле заявителя, когда был вынесен приговор регионального суда против его сообвиняемого, уже было возбуждено предварительное уголовное разбирательство против заявителя в связи с данными о мошенничестве в Германии и Турции, и он, таким образом, являлся обвиняемым в совершении уголовного преступления в значении ст. 6 § 2 Конвенции, несмотря на то, что формально обвинение ему не было предъявлено. В этой связи положения приговора регионального суда, хотя и не имеющие обязательной силы в отношении заявителя, тем не менее могли иметь преюдициальное значение для уголовного разбирательства против него. При таких обстоятельствах, как в настоящем деле, важно помнить, что отдельно преследуемый обвиняемый, не являющийся участником разбирательства против его сообвиняемого, лишен возможности оспорить утверждения относительно его участия в преступлении, допущенные в рамках такого разбирательства (§§ 65–67).

В данном решении Суд принял аргумент правительства, что в основном уголовном разбирательстве, затрагивающем нескольких лиц, которых нельзя было судить совместно, ссылки суда первой инстанции на участие третьих лиц, которые могли впоследствии быть преданы суду, могли быть обязательными для оценки вины соучастников, чьи дела были выделены. В этом отношении суды должны устанавливать факты, имеющие значение для ответственности обвиняемых, аккуратно и точно, насколько возможно, и они не могли представлять решающие факты в качестве предположения или подозрения. Это также касается причастности третьих лиц. Однако если такие факты должны быть указаны, суду первой инстанции следует применять ограничения и сообщать только ту информацию, которая необходима для определения правовой ответственности лиц, преданных суду (§ 64).

В вышеупомянутом деле оспариваемые высказывания в приговоре регионального суда должны были оцениваться в контексте германского законодательства, которое прямо исключает возможность выводов о винов-

ности лица из уголовного разбирательства, в котором оно не участвует. Что касается мотивировки национального суда Германии, Суд отметил, что для оценки ответственности одного из обвиняемых региональный суд должен был рассмотреть роли и намерения всех лиц, действовавших в Турции, включая заявителя. В этом контексте упоминание имени заявителя в приговоре было неизбежным. Кроме того, вступительные замечания в интернет-версии приговора регионального суда и решение Федерального Конституционного Суда по делу подчеркивали, что презумпции невиновности противоречило бы признание виновности заявителя на основании исхода судебного разбирательства против обвиняемых. С учетом изложенного, Суд решил, что национальные суды избегали, насколько возможно, создания впечатления предрешения вопроса о виновности заявителя и поэтому не нарушили его право считаться невиновным (§§ 70, 71).

Судьи M. Villiger и G. Yudkivska в особом мнении указали, что презумпция невиновности подразумевает моральную и юридическую квалификацию действий обвиняемого только судом и исключительно в рамках состязательного судебного процесса. В этом деле однако Суд дал оценку и квалификацию действий заявителя в отдельном разбирательстве в отношении обвиняемых. Они считают, что ссылки на участие заявителя в организованном преступлении и использованный язык изложения представляет собой предрешение вопроса о виновности.

В деле *Klouvi v. France* (№ 30754/03, the Judgment of 30 June 2011) Суд проверил совместимость презумпции невиновности с положениями, предусматривающими преюдициальную силу судебных решений в отношении последующих уголовных производств. В данном деле заявительница, выдвинувшая обвинения против своего начальника в изнасиловании и сексуальном домогательстве, была осуждена за ложное обвинение после решения об оправдании ее начальника в связи с недостаточностью доказательств. Национальный судья обосновал свое решение тем, что в соответствии с УПК Франции оправдание подсудимого автоматически означает, что обвинение против него является ложным. Суд отметил, что это положение нарушает право заявительницы на соблюдение презумпции невиновности: два судебных производства и соответствующие доказательства должны были быть рассмотрены по отдельности и первый судебный процесс не должен иметь решающее влияние на последующие, связанные, между собой судебные разбирательства. (§§ 52, 53).

На практике ст. 6 § 2 хотя и требует воздерживаться судам от обоснования решений на предположениях виновности, но не запрещает использование обоснованного подозрения при выдвижении обвинения. Это же следует и из ст. 5 § 1(с), требующего наличие обоснованного подозрения в совершении правонарушения как условия для законного ареста или задержания до стадии судебного разбирательства самого дела. Суд имеет дело с вопросом о том, каковы были обстоятельства и в какой степени серьезность обвинения оправдывает досудебное задержание. В деле *Letellier v. France* Суд посчитал, что задержание в таких случаях должно быть основано на фактах, способных показать: освобождение обвиняемого нарушило бы обществен-

ный порядок, продление задержания законно могут быть связаны также и с угрозой общественному порядку. В то же время продление ареста не может использоваться для обоснования последующего лишения свободы (Letellier v. France, № 12369/86, Judgment of 26 June 1991, § 51). Судебное обоснование показывает, что вопрос досудебного задержания обсуждался не только в связи со ст. 5 § 3 Конвенции, но и в свете презумпции невиновности.

Завершение уголовного разбирательства оправдательным приговором не означает прекращения действия принципа презумпции невиновности, например, по делам, когда оправданный требует компенсации либо потерпевшая сторона обращается с иском о возмещении ущерба. Здесь возникают довольно интересные вопросы. Так, к примеру, проблема ответственности в гражданском порядке за те же действия, за которые лицо было оправдано, и может ли выдвигаться иск об этом со стороны предполагаемого потерпевшего в том же процессе. Противоположные выводы суда по уголовному обвинению и гражданскому иску могут вызвать сомнения в обоснованности оправдания, подорвать веру в справедливость судебного решения. Поэтому презумпция невиновности предполагает ясность и согласованность выводов суда, не подрывающих веру в оправдательный приговор. В этом свете порой приводятся два решения по делам против Норвегии: *Y. v. Norway* и *Ringvold v. Norway*.

В *Y. v. Norway* заявитель обвинялся в нападении, сексуальном насилии и убийстве, но был оправдан судом присяжных Высокого Суда. В том же разбирательстве Высокий Суд установил его гражданскую ответственность за те же действия и постановил о выплате компенсации родителям потерпевшего. Верховный Суд поддержал это решение в части гражданского иска тремя голосами против двух. Заявитель в обращении в Суд настаивал, что решение судов о выплате компенсации за действия, за которые он был оправдан, является нарушением ст. 6 § 2 Конвенции.

Суд нашел нарушение данного положения, отметив, что оправдание не препятствует возможности решения о компенсации и что в этом случае применяется менее строгое бремя доказывания. Однако, если решение суда содержит утверждение об уголовной ответственности ответчика, то вопрос оказывается в пределах ст. 6 § 2 Конвенции. Существенным представляется вопрос, действовали Норвежские суды таким образом или использовали такой язык изложения в обоснование связи между двумя вопросами, то есть уголовным делом и компенсацией, чтобы оправдать это с объемом применения ст. 6 § 2 (*Y. v. Norway*, № 56568/00, Judgment of 11 February 2003, §§ 42, 43). Суд ответил утвердительно на названные вопросы, ссылаясь на следующие положения решения Высокого Суда: «Рассматривая выдвигаемые доказательства дела в целом, Высокий Суд считает предельно вероятным, что лицо совершило преступления против Ms.T., по которому он и обвинялся» (§ 44). Этим заявлением Высокий Суд перешел границы судебного разбирательства по гражданскому иску, вызвав сомнения в оправдании, а при наличии к тому же достаточной связи с уголовным процессом, это противоречило презумпции невиновности (§ 46).

В упомянутом постановлении по делу Ringvold заявитель обвинялся в сексуальном насилии по отношению к несовершеннолетнему, но был оправдан Высоким Судом решением присяжных. Однако в отличие от дела *Y. v. Norway* Высокий Суд отказал в компенсации потерпевшему. Верховный Суд по жалобе потерпевшей стороны, проверяя дело на основании доказательств в пользу гражданского иска и добыв новые доказательства, удовлетворил просьбу о выплате компенсации. Первый судья в составе Верховного Суда Mrs Justice Gjolstad посчитала, что данное дело ставит два общих вопроса: отношение к оправданному и требование к доказательствам. Она указала, что по уголовно-процессуальному законодательству Норвегии не было условия для получения компенсации, если лицо не осуждено, и она сослалась на разные требования к доказательствам относительно последствий деяния с точки зрения уголовного и гражданского права. Более того, положение ст. 6 § 2 не препятствовало установлению гражданской ответственности лица за те же действия, которые привели к его оправданию. В то же время, по ее мнению, для вывода о гражданской ответственности важна ясная вероятность, что лицо совершило преступление «сексуальное насилие», что отрицательно воздействует на репутацию лица. Четверо других судей Верховного Суда поддержали ее вывод и основное обоснование.

Суд посчитал шестью голосами против одного, что ст. 6 § 2 неприменима в деле и не было нарушения. Суд напомнил, что концепция «уголовного обвинения» является автономным понятием. В данном деле иск о компенсации по местному праву не был рассмотрен как уголовное обвинение. Вывод уголовного разбирательства не был решающим для решения вопроса о компенсации, в котором предполагаемый потерпевший мог бы требовать компенсацию, если даже ответчик был оправдан. Суд далее отметил, что условия для двух видов ответственности различаются. Постановление о компенсации было выражено в отдельном судебном решении и не содержало заявлений о том, что все условия для рассмотрения заявителя в качестве ответственного в уголовном смысле по обвинению, по которому он оправдан, выполнены. Последующие гражданские разбирательства не были несовместимы с оправданием и не противоречили ему (*Ringvold v. Norway*, № 34964/97, Judgment of 11 February 2003 §§ 38–41). В совпадающем мнении Судья Тулькенс (*Tulkens*) объяснила, почему с ее точки зрения ст. 6 § 2 применяется, если имелась должная связь между уголовным и гражданским процессами. Она отметила, что это положение должно быть интерпретировано таким образом, чтобы быть уверенным, что объем применения презумпции невиновности не является теоретическим или иллюзорным, а практичным и эффективным. Соответственно, ст. 6 § 2 Конвенции применима, если оценка поведения заявителя или ответчика по гражданскому делу, со стороны судебной власти, подрывает факт оправдания по всем выдвинутым обвинениям. В своем особом мнении Судья Коста (*Costa*) отметил, что гражданская и уголовная ответственность отличаются друг от друга существенным образом. Причинение ущерба в гражданском праве не приводит к тем же последствиям для ответчика, что и для осужденного в уголовном процессе. Следует избегать влияния

гражданского дела на выводы об оправдании по итогам уголовного разбирательства. По его мнению, Верховный Суд, несмотря на скрупулезный подбор слов, пренебрег серьезным образом решением об оправдании. Как видно из приведенных двух дел, они не лишены противоречия или же не совсем последовательны. Так, в *Y. v. Norway* Суд посчитал, что выражение сомнения в правильности оправдания служит основанием для нарушения ст. 6 § 2 Конвенции, в деле же *Ringvold v. Norway* Суд не установил нарушения, сославшись на то, что, несмотря на оправдание заявителя, законность выплаты компенсации имела правовые основания. Однозначно то, что национальные суды не должны подвергать никоим образом сомнению обоснованность оправдания. Как правильно высказалась Судья Тулькенс в своем совпадающем мнении, решение о компенсации не должно содержать что-либо об уголовной ответственности заявителя за вменяемые ему уголовные правонарушения, за которые он был оправдан.

Сложно пройти мимо наличия конфликта конкурирующих интересов между оправданной и пострадавшей сторонами. Очевидно, что само по себе действие ст. 6 § 2 Конвенции не защищает оправданное лицо от возможного привлечения к гражданско-правовой ответственности. Этим, к тому же, обеспечивается право потерпевшего на доступ в суд как право на справедливое судебное разбирательство по ст. 6 § 1. Кроме того, практика Суда не исключает права на наличие в правовых системах договаривающихся государств законодательства, позволяющего истцам в рамках уголовного процесса добиваться возмещения ущерба, который не связан с самим исходом уголовного дела. В целом правда и то, что это способно подорвать эффект оправдания, снизить доверие к такому решению со стороны общества. Однако, если ст. 6 § 2 не предостерегает суды от установления гражданско-правовой ответственности оправданного, то разрешению проблемы способствовали бы рассмотрения таких вопросов в отдельном судебном разбирательстве. Примененная процедура в деле *O. J. Simpson* в США более точно обеспечивает презумпцию невиновности, поскольку в ней оправданное лицо не ставится в худшее положение, чем пострадавшая сторона.

Оправданное по уголовному делу лицо вправе обратиться в суд с требованием о компенсации. Правовые подходы в юриспруденции Суда заключаются в запрете каких-либо сомнений в оправдании лица. Парадокс в том, что законодательства порой требуют от оправданного для получения компенсации от государства доказать, что он с большой долей вероятности не совершал действий, которые ему вменялись. В совпадающем мнении по делу *O. v. Norway* Судья Гreve (Greve) отмечала, что последствия найденного Судом нарушения в этом деле показывают, что Договаривающиеся Государства не могут без нарушения Конвенции предложить компенсацию после оправдания или прекращения дела на основе того, что в балансе вероятностей первоначально обвиняемое лицо не совершало этого деяния (*O. v. Norway*, № 29327/95, Judgment of 11 February 2003). Изложенное мнение основывается на анализе законодательства, по которому применение его положений невозможно без нарушения принципа презумпции невиновности. В то же время, верно и то, что главное в интерпретации норм

национального права отводится судам и именно они при решении вопроса о компенсации не должны нарушать требований ст. 6 § 2 Конвенции.

Презумпцию невиновности нельзя, на наш взгляд, рассматривать односторонне. Данная доктрина должна изучаться с точки зрения реалий, конкретных условий, с учетом новых научных знаний, одним словом, как Суд неоднократно подчеркивал, актуальность ее применения требует эволюционного подхода. Сегодня общеизвестно, что технологии наблюдения на практике широко используются полицией и силами безопасности. Они по сути представляют собой краеугольный камень современных методологий следствия. Не все их тонкости, разновидности, влияние использования на права человека изучены, отражены в судебной практике в полном объеме. Изложенное относится и к проблеме их влияния на презумпцию невиновности. Следует признать, что распространение применения технологий наблюдения вызывает потребность изучения связи между самим наблюдением и презумпцией невиновности. Как мы уже отмечали, с точки зрения уголовно-процессуального права презумпция невиновности применима в основном лишь в рамках уголовного процесса. Она является процедуральной гарантией лиц, обвиняемых в уголовном правонарушении, в досудебной и судебной стадии. Презумпция невиновности не применяется вне контекста расследования и судебного разбирательства, то есть до того, как формально предъявлено обвинение. Одновременно такое ограниченное применение этого принципа сталкивается с массовым использованием технологий наблюдения, сбора данных, использующихся для обнаружения и предупреждения правонарушений. Хотя законодатель и пытается ставить их неограниченное вмешательство в личную жизнь в определенные цивилизованные рамки, но потребность в правовых гарантиях несоизмеримо увеличивается.

Несмотря на усилия Суда по расширительному толкованию ст. 6 § 2 Конвенции, все же они не сокращают разрыв. Сами решения Суда также отражают определенные ограничения. Так, в упомянутом решении *Adolf v. Austria and Lutz v. Germany* Суд определил, что судебные решения, которые не содержат вывод о виновности, а только касаются подозрения, не поднимают вопрос о презумпции невиновности (*Adolf v. Austria*, § 40; *Lutz v. Germany*, № 9912/82, Judgment of 25 August 1987, § 62). Наличие подозрения не имеет правового значения до выдвижения обвинения. В *Sekanina v. Austria* Суд провел более четкую границу между подозрением и обвинением и их соотношение с презумпцией невиновности (*Sekanina v. Austria*, § 37).

Юриспруденция Суда четко демонстрирует осознание возможностей нарушения презумпции невиновности на ранних стадиях уголовного процесса. Особенно это выражается в делах, связанных с защитой репутации, в которых он соприкасается с проблемами защиты личной жизни. В определенной степени такая позиция близка к гарантиям по ст. 8 Конвенции.

В правовой литературе описывались соображения, что указанная позиция ведет к рассмотрению презумпции невиновности в двух измерениях или аспектах: 1) правовая презумпция и 2) моральная презумпция. Пер-

вая защищает обвиняемого от осуждения в уголовном правонарушении, когда еще не доказано вне разумных сомнений, что поведение лица образует правонарушение. Моральная же презумпция защищает обвиняемого от осуждения в уголовном правонарушении, поскольку его поведение не является преступлением [4, с. 197].

Имеется существенная разница между названными двумя аспектами. Правовая презумпция в высокой степени зависит от закона и определяет границы и стандарт доказывания относительно преступлений и защиты. Моральная презумпция вовлекает суд в моральную и политическую оценку законности материального уголовного права [4, с. 197]. Как следствие, правовая презумпция оперирует в стадии судебного разбирательства, а моральная может возникать в досудебной стадии. Правовая презумпция признается и регулируется законом, моральная же презумпция — нет. Вопрос в том, может ли последняя иметь какую-нибудь правовую релевантность на досудебной стадии уголовного процесса [5].

Моральная презумпция способствует установлению виновности. Связь между ст. 6 § 2 и ст. 8 Конвенции и моральной презумпцией продемонстрирована в деле *S. and Marper v. the United Kingdom* (№ 30562/04 and 30566/04, Judgment of 4 December 2008). Дело касалось двух лиц, Mr. S and Mr. Marper. Заявители были взяты под стражу, а затем им предъявили обвинение в совершении преступлений. У них взяли отпечатки пальцев и образцы ДНК. После оправдания заявителей они просили уничтожить взятые у них отпечатки пальцев и образцы ДНК. Их просьбы были отклонены, так как по закону эти данные могли храниться бессрочно. Суд отметил, что закон не оговаривал условия и порядок хранения указанных данных; он не предоставлял гарантий, исключающих их нецелевое использование, а также не давал возможности принимать в расчет индивидуальные обстоятельства каждого конкретного дела. Заявители жаловались по ст. 8 Конвенции, не обращаясь к ст. 6 § 2. Установив нарушение по ст. 8, Суд отметил также, что хранение этих данных без срока создает восприятие виновности, риск порицания и видимости обращения с оправданными как с осужденными лицами.

По существу эти выводы суда означали, что использованные технологии подрывают презумпцию невиновности, расширяют количество лиц, относящихся к категории подозреваемых. Суд говорит об общественном восприятии и его важной роли в идентифицировании лица в качестве невиновного. Он заявляет о гарантиях защиты лица от ошибочного восприятия публикой. Таким образом, описанное решение признает по существу, что презумпция невиновности не только имеет значение с точки зрения прав человека, но и представляет собой моральную ценность, требующую правовой защиты. Надежная защита в изложенном смысле могла бы служить контрбалансом использованию наблюдения с привлечением современных технологий и ограничением его возможных негативных последствий. Думается, что описанная проблема — лишь часть в ряде выводов современного развития, ответы на которые можно найти благодаря динамичной, эволюционной интерпретации Конвенции.

Список литературы

1. Baradaran S. Restoring the Presumption of innocence / S. Baradaran // Ohio State Law Review. — 2011. — № 72. — P. 729–730 (and citations).
2. Ashworth A. Self-incrimination in European Human Rights Law — A Pregnant Pragmatism? / A. Ashworth // Cardezo Law Review. — December 2008. — Vol. 30. — P. 751–773.
3. Презумпция невиновности в контексте прецедентной практики Европейского Суда по правам человека / М. Визенитин // Russian Yearbook of the European Convention on human rights. — 2015. — № 1 — P. 258–264.
4. Tadros V. Rethinking the presumption of innocence / V. Tadros // Criminal Law and Philosophy. — 2007. — Vol. 1. — № 2. — P. 193–213.
5. Galetta A. The changing nature of the presumption of innocence in today's surveillance societies: rewrite human rights or regulate the use of surveillance technologies? / A. Galetta // European Journal of law and technology. — 2013. — Vol. 4. — № 2. — P. 6.

Статья поступила в редакцию 15.11.2016

Х. Гаджиєв

вул. Нізамі, 111, Баку, AZ 1000, Республіка Азербайджан

ПРЕЗУМПЦІЯ НЕВИНУВАТОСТІ В ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ЄВРОПЕЙСЬКОГО СУДУ З ПРАВ ЛЮДИНИ

Резюме

У статті досліджено питання, пов'язані з інтерпретацією принципу презумпції невинуватості Європейським Судом з прав людини. Висвітлено проблеми загального характеру. Проаналізовано практику розгляду Європейським Судом з прав людини відповідних категорій справ.

Ключові слова: презумпція невинуватості, Європейський Суд з прав людини, інтерпретація.

Kh. Hajiyev

Nizami str., 111, Baku, AZ 1000, The Republic of Azerbaijan

PRESUMPTION OF INNOCENCE IN THE INTERPRETATION OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Summary

The article deals with issues related to the interpretation of the principle of presumption of innocence by the European Court of Human Rights. The general character problems are highlighted. The practice of the European Court of Human Rights proceedings of the relevant categories of cases is analyzed.

Key words: presumption of innocence, the European Court of Human Rights, interpretation.